

Памяти А. Ө. Гильфердинга.

(Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его смерти).

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ въ Олонецкомъ краѣ появился въ-скольکو необычный „генералъ“, особенно неутомимо преслѣдовавшій мѣстныхъ пѣвцовъ былинъ, т. н. сказителей. Сохранился „неоцѣненный по своему простодушію“ ¹⁾ рассказъ о знакомствѣ съ нимъ одного изъ такихъ сказителей, Касьянова ²⁾. Последняго, не смотря на рабочую пору, какъ онъ самъ передаетъ, „побудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе пришло въ удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былинны: говорили между собой, что господамъ, должно быть, въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего“... Прибывъ на мѣсто, рассказываетъ Касьяновъ: „поутру явился и размышляю такъ, что наши уѣздные господа становые пристапа и развѣя служащіа лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю: А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ думается, и не взыщеть“. Ободрило Касьянова знакомство съ „генеральскимъ“ камердинеромъ, „который собою очень привѣтливый и скромный... должно быть, хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“, замѣчаетъ Касьяновъ. „Самъ Александръ Ѳедоровичъ, продолжаетъ Касьяновъ, принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ“. Эта робость вскоре прошла: появился чай, и „когда выпилъ я, Касьяновъ, ставая чаю, то посвѣжилася духомъ, какъ будто стало и посмѣлѣе... А на другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что это онъ человѣкъ очень скромный, смирный и ласковый, и размышляю про себя: должно быть, господа—что чинъ выше, то и добрѣе“. За угощеніемъ слѣдовало сказываніе былинъ, подъ вечеръ прогулка нѣтъ, въ время которой спутникъ Касьянова удѣляетъ вниманіе и мѣстнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ является еще одинъ сказитель и высказываетъ

¹⁾ „Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ“ Бестужева-Рюмина. Онежскія былинны, изд. второе, т. 1, стр. XX, прим.

²⁾ „Воспоминаніе крестьянина (Ивана Анніевича Касьянова) объ А. Ө. Гильфердингѣ“. Р. Старина 1872 г. № 12.

са новая былина; просматривается старая грамота и выслушивается объясненіе, „что значить пидина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста“. Для характеристики отношеній, установившихся между новыми знакомыми, небезынтересенъ еще слѣдующій эпизодъ, случившійся при ихъ прощальномъ чаепитіи. „Позвольте мнѣ поближе къ самовару, попросилъ Касьяновъ: тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стакань, два, а три и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего“.

Едва ли послѣ всего этого нужно будетъ прибавлять, что далеко не изъ-за щедрого только вознагражденія денежнаго Касьяновъ своего отъѣзжающаго „генерала“ „проводилъ глазами, откуда было можно видѣть“.

Этотъ „генералъ“ былъ извѣстный славистъ, видный общественный дѣятель, глубокий и самоотверженный этнографъ, своею жизнью заплатившій за тѣ приобрѣтенія, которыя онъ сдѣлалъ для родной науки; это былъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

Славянофильство воспитало въ немъ интересъ къ народности; обширная эрудиція сдѣлала изъ него народника—ученаго; занятія исторіей, остававшаяся особенно надъ явленіями внутренней жизни народовъ, давали ему историческую перспективу, необходимую для правильнаго отношенія къ современнымъ даннымъ народной жизни; ученая и дипломатическая практическая дѣятельность въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи была, можно сказать, пробѣжкой и завершеніемъ его теоретической подготовки; она раскрыла предъ Гильфердингомъ замѣчательное поле для изученія и, что весьма важно, самый вопросъ о народности представила во всемъ его, быющемъ въ глаза, жизненномъ значеніи, чудомъ какъ кабинетнаго подкрашиванія, такъ и таковаго же игнорированія. Разносторонняя не только ученая, но и общественная дѣятельность содѣйствовала широтѣ взглядовъ Гильфердинга; смѣлость и глубина мысли, а также рѣдкая ясность и отчетливость ея, сообщали всѣмъ трудамъ Гильфердинга глубокой общій интересъ, интересъ широкихъ картинъ, мастерскихъ обобщеній, остроумныхъ соображеній, смѣлыхъ догадокъ, которыя если и не всегда оправдываются наукой, то зато всегда двигаютъ ее дальше. Ко всему этому прибавьте замѣтную въ самыхъ сухихъ изслѣдованіяхъ свѣжесть—отраженіе природной живости ума и характера Гильфердинга, и ту непринужденность, которая являлась слѣдствіемъ замѣчательной легкости, съ какою „давалась самая многосложная работа этому человеку“.

Такого-то изслѣдователя счастливая случайность сдѣлала завершителемъ „собирательнаго“ періода въ исторіи русскаго былеваго вноса, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудѣ Гильфердинга, посвященномъ былинамъ, всѣ отличительныя качества этого изслѣдователя собрались какъ бы въ оптическомъ фокусѣ и проявились въ полномъ блескѣ.

А. Ѳ. Гильфердингу давно хотѣлось побывать на нашемъ сѣверѣ, сдѣлавшемся особенно интереснымъ послѣ открытіи тамъ П. Н. Рыбниковымъ замѣчательныхъ сказителей. Къ простой любознательности здѣсь могло примѣшиваться желаніе пробѣрить Рыбникова, такъ какъ сборники былинъ послѣдняго вызвали было сильное недовѣріе въ обществѣ. 1871 г. 30 іюня Гильфердингъ началъ свое путешествіе по Олонецкому краю и

окончилъ его 27 августа. „Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, говоритъ Гильфердингъ, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣкоторыми сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя“¹⁾. Именно, первый же сказитель, на котораго натолкнулся Гильфердингъ, оказался раскольникомъ, между тѣмъ какъ, по утвержденію Рыбникова, у раскольниковъ нельзя было найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса. Гильфердингъ совершенно основательно сталъ подозрѣвать (а потомъ вполне убѣдился), что Рыбниковъ не могъ ничего найти у раскольниковъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Гильфердингъ побывалъ въ самомъ центрѣ раскольничьего населенія и, благодаря своему такту въ обращеніи съ раскольниками, встрѣтилъ у нихъ самый радушный приѣмъ и значительно пополнилъ запасъ былины Рыбникова. Много помогло Гильфердингу и то, что случайно онъ нашелъ себѣ спутника въ лицѣ крестьянина, имѣвшаго знакомыхъ во всѣхъ углахъ Зонежья. Благодаря ему, устранялось недоверіе, съ которымъ олончане обыкновенно смотрѣли на пріѣзжаго изъ Петербурга; тотъ же крестьянинъ, пока Гильфердингъ гдѣ-нибудь записывалъ былины, ходилъ, бывало, верстъ за 40—50 „доставать“ новыхъ сказителей. Потомъ молва о щедромъ собирателѣ старинныхъ пѣсень приводила и такихъ, про которыхъ ни Гильфердингъ, ни его спутникъ и не знали. Материалу набиралась масса и случалось такъ, что инымъ сказителямъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гильфердингъ записывалъ былины до полного физическаго утомленія. Въ результатъ, въ 48 дней было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, записано и проверено 318 былинь. Составилась рукопись въ 1203 полулиста, писанная вся, отъ первой до послѣдней страницы, рукою Гильфердинга²⁾.

На слѣдующій годъ Гильфердингъ снова отправился въ Олонецкій край и, „увлекаемый интересами науки, захотѣлъ пробыть нѣкоторое время между толпой простого народа, прислушаться къ его говору, услышать старинную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешнотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзью“³⁾. 20-го іюня 1872 года онъ скончался въ Каргополѣ, откуда тѣло его было перевезено 4-го іюля въ Петербургъ и похоронено въ Новодевичьемъ монастырѣ.

— „Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу“, было сказано при погребеніи

1) „Олонецкая губернія и ея народные расказы“. Онежскія былины, 2 изд. стр. 10.

2) Предисловіе П. Гильдебрандта къ 1-му изд. Онежскихъ былинь.

3) Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга. Р. Стрѣна 1872 г. № 10.

Гильердинга ¹⁾. — „Это былъ служитель науки, знанія“ говорилось тамъ же ²⁾. . . „Но наука, которой служилъ почившій, имѣлъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самаго близкаго къ намъ вопроса, — вопроса о насъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея завѣтными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его сродствѣ съ другими единоплеменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ“. Смерть Гильердинга явилась одной изъ тѣхъ, которыя не проходятъ незамѣтно для общества, и этнографическая дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни Гильердинга сыграла здѣсь не малую роль ³⁾. Если на первыхъ порахъ эта дѣятельность могла представлять нѣсколько случайный интересъ (свѣжестъ событія, трагическая участь собирателя, особое вниманіе къ былевому творчеству и стремленіе къ народничеству), то съ послѣдовавшимъ вскорѣ появленіемъ въ печати собраннаго Гильердингомъ матеріала ⁴⁾ она должна была получить болѣе глубокое значеніе. Стало ясно тогда, какую массу труда и умѣнья приложилъ собиратель, какую массу новаго, подчасъ едва уловимаго на первый взглядъ, сумѣлъ извлечь онъ оттуда, гдѣ уже была собрана обильная жатва! Значеніе „Онежскихъ былинъ“ особенно замѣтно, когда мы обращаемся къ тому, что было до Гильердинга и что, если такъ можно выразиться, Гильердингъ завѣщалъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Уже въ древней письменности находимъ записи былинъ; но былины тогда рассматривались, какъ матеріалъ, конечно, не этнографическій, а простой повѣствовательный, способный доставить нѣкоторое развлеченіе; потому-то и формой, и самымъ названіемъ онѣ тяготѣли къ различнымъ сказаніямъ, повѣстямъ, словамъ — преобладающему тогда виду книжной словесности.

Отличны по формѣ, одинаковы по цѣлямъ изданія былевого матеріала въ XVIII вѣкѣ. Съ одной стороны, герои и героини нашего былевого эпоса являлись только для нѣкоторой націонализаціи подчасъ совершенно фантастическихъ происшествій; съ другой стороны, былины входили въ столь распространенные въ XVIII и началѣ XIX-го вв. пѣсенники, о характерѣ и назначеніи которыхъ можно судить по заглавію лучшаго изъ нихъ: „Новое и полное собраніе российскихъ пѣсень, содержащее въ себѣ пѣсни Любовныя, Наступскія, Шутливыя, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, Святочныя, съ присовокупленіемъ Пѣсень изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедій“. Нельзя впрочемъ отрицать того, что и въ XVIII в. уже пробивалось сознаніе, что памятники народнаго творчества сущест-

¹⁾ Рѣчь ректора СПб. Дух. Семинаріи, Хрисанова Р. Старива № 10 1872 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кромѣ цитованнаго ср. некрологи: въ Голосѣ, 1872 г. № 53, Бестужева Рюмина; въ Вѣстникѣ Европы, 1872 г. № 8; Биржевыя Вѣдомости 1872 г. № 170; Спетербургскія Вѣдомости 1872 г. №№ 168, 195; и др.

⁴⁾ „Онежскія, былины, записанныя Александромъ Федоровичемъ Гильердингомъ лѣтомъ 1871 г.“ СПб. 1873.

вуютъ не для одного только удовольствія любителей пріятнаго и веселаго препровожденія времени, но развитіе это сознаніе еще не успѣло.

Къ тому же XVIII в. восходитъ загадочный сборникъ, названный имя Кириши Данилова ¹⁾. Среди прочихъ, современныхъ ему сборниковъ, онъ стоитъ особнякомъ, такъ какъ представляеть, записи текстовъ, удовлетворяющія научнымъ требованіямъ до известной степени, конечно, но мы должны помнить о трудности записыванія былинъ. Первый издатель этого сборника, Якубовичъ, остался всецѣло на почвѣ XVIII в.; второй, известный Калайдовичъ, очутился на перепутьѣ двухъ дорогъ: онъ то разсматриваетъ издаваемый имъ сборникъ, какъ этнографическій матеріалъ, имѣющій свой особый критерій, то предъявляетъ къ нему литературныя требованія XVIII вѣка и серьезно упрекаетъ Киришу Данилова въ томъ, что тотъ „даже цѣлыя семь пѣсенъ пустилъ по тому пути, на коемъ впоследствии прославился Барковъ“.

Первымъ этнографомъ-собирателемъ явился Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, съ изумительнымъ трудолюбіемъ и любовью къ дѣлу собиравшій, начиная съ тридцатыхъ годовъ, громадный матеріалъ, который, къ сожалѣнію, ему самому почти вовсе не удалось издать. За Кирѣевскимъ остается слава первой широкой постановки этнографическихъ разсужденій, ближайшій результатъ которой въ исторіи русскаго эпоса былъ тотъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде уже ничего нельзя было найти, были подобраны хотя послѣднія крохи разлагающихся и замирающихъ былинъ. Кирѣевскій отчасти самъ записывалъ былинны, отчасти для него это дѣлали другіе. Первое необходимо для практическаго ознакомленія съ изучаемымъ матеріаломъ въ его источникѣ; второе для съ его времени было важно потому, что распространяло интересъ къ этнографіи и прививало мѣстныя этнографическія изслѣдованія. Въ этомъ второмъ отношеніи несомнѣнное значеніе принадлежитъ и Сахарову, съ его напечатанными изданіями, а позднѣе И. И. Срезневскому, въ его трудахъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ. Какъ издатель, Сахаровъ не далеко ушелъ отъ XVIII в., да и Кирѣевскій былъ не безгрѣшенъ, потому что позволялъ себѣ составлять изъ многихъ вариантовъ одинъ общій текстъ, выбирая изъ каждаго варианта тотъ стихъ, который казался ему наилучшимъ. Въ ту пору наука еще не дошла до бережнаго обращенія съ изслѣдуемымъ этнографическимъ матеріаломъ, и еще отзывалась та эпоха, когда изъ-за побужденій, имѣющихъ съ наукой мало общаго, допускались даже подлоги.

Мало интересовались тогда и тѣми условіями, въ которыхъ находили этотъ матеріалъ, и съ большей охотой старались разыскивать въ немъ отраженія идеаловъ добраго стараго времени, чѣмъ вникнуть въ современную связь народнаго творчества и народнаго быта.

¹⁾ Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киришемъ Даниловымъ. Москва 1818 г. (второе дополн. изд., первое—1804) Ср. П. Н. Песопера, Замѣтку о сборникѣ Кириши Данилова, II т. 1 кн. Извѣстій Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ.

Издатель матеріаловъ, собравныхъ П. В. Кирѣевскимъ, П. А. Безсоновъ, задумалъ грандіозное дѣло: опираясь на собраніе Кирѣевского и на пѣсни и сказки, извѣстные по другимъ изданіямъ, онъ хотѣлъ дать народно-поэтическую исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ по XIX в. исключительно. Предпріятіе было доведено до конца... но уже при самомъ началѣ обнаружилась и несостоятельность его. Былевой матеріалъ, извѣстный дотогѣ, оказался лишь малою частью, да и то не лучшимъ, того, что хранилось еще въ народной памяти, и никакъ не укладывался въ тѣ рамки, въ которыя хотѣлъ втиснуть его г. Безсоновъ. Получилось громоздкое изданіе съ неособенно удачно систематизированнымъ матеріаломъ и замѣтками издателя, длинными до утомленія и рискованными до ненаучности.

Почти въ одно время съ „Пѣснями, собранными П. В. Кирѣевскимъ“ появились въ печати „Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ“. Рыбникову выпало на долю раскрыть для науки богатѣйшія сокровища Олонецкаго края, этой Исландіи нашего былого эпоса, но самая грандіозность матеріала подавила изслѣдователя, который явился не господиномъ его, а скорѣе рабомъ. Самая точность Рыбникова не безъ отбѣнка формализма: Рыбниковъ далъ тексты, безусловно точные по содержанію, но лишенные духа живого. Записи Рыбникова, если позволено будетъ прибѣгнуть къ аллегоріи, это сказочный мертвецъ, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающій живой воды. Рыбниковъ удержался отъ рискованныхъ обработокъ, допущенныхъ, напримѣръ, Кирѣевскимъ, — и въ этомъ его заслуга; но онъ не возвысился до той широты взгляда, которая позволяетъ устремлять взоръ въ сокровеннѣйшіе тайники изслѣдуемаго явленія и далѣе его; онъ не имѣлъ также навыка быстро схватывать и запечатлѣвать въ своихъ записяхъ тѣ едва уловимыя черточки, которыя онъ самъ же чувствовалъ и самъ же оцѣнилъ по достоинству, — это его недочетъ. Такъ у Рыбникова пропадаютъ стихи, языкъ, этнографическое освѣщеніе былинъ; достаточно сказать, что свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ были найдены былины, появились лишь въ третьей части изданія, уже послѣ зачѣпаній по этому поводу критики, да и то въ далеко неполномъ видѣ. Нельзя поэтому особенно удивляться тому, что открытіе Рыбникова было встрѣчено съ недо-вѣріемъ.

Но какъ бы тамъ ни было, сборникъ Рыбникова далъ массу новаго матеріала, собралъ нѣкоторые свѣдѣнія о неожиданно найденной сокровищницѣ русскаго былого эпоса и подготовилъ дѣятельность Гильеердинга. Выше было уже указано, какъ подъ влияніемъ Рыбникова Гильеердингу сдѣлался собирателемъ былинъ. Рыбниковъ же далъ Гильеердингу первоначальныя свѣдѣнія о сказителяхъ; онъ же наметилъ значеніе въ былинахъ личности сказителей и значеніе записей по пѣтому, а не по сказываемому. Всѣмъ этимъ замѣчательно воспользовался Гильеердингъ и мастерски развилъ въ цѣлую систему. Его записи, производившіяся не съ пословесной передачи былины, какъ у Рыбникова, а по пѣтому, буквально передаютъ не только содержаніе, но и самый складъ былины, ея форму, духъ, языкъ. Это одна сторона дѣла; не менѣе важнымъ было тщательное освѣщеніе не только современнаго, но отчасти и былого положенія былинъ

въ край, сдѣланное къ тому же въ фонѣ общей картины, о которой одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ ученыхъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Исследователь понималъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было желать: специальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ варода, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тяжелыхъ нуждъ, говорить о нихъ съ такой убѣдительною и, иногда, такой смѣлостью, которыя вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыя могли вполне раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣнія“. ¹⁾

Вообще своими этнографическими разысканіями Гильфердингъ далъ богатѣйшій матеріалъ для цѣлага ряда разнообразныхъ вопросовъ, въ которыхъ большинство было имъ же намѣчено и отчасти разрѣшено. Такъ, Гильфердингомъ были раскрыты условія сохраненія въ вародѣ былевого вноса и объяснено то, почему послѣдній удержался въ Олонецкомъ край тогда какъ давно уже замеръ въ другихъ мѣстахъ. Было подмѣчено также, какъ усваиваются бывшны отдѣльными связителями, какъ вымираютъ въ однихъ мѣстахъ Онежскаго края и живутъ полною жизнью въ другихъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ понимать эту жизнь былинъ; во всякомъ случаѣ, Гильфердингомъ былъ поднятъ вопросъ первостепенной важности, и если бы добыты Гильфердингомъ современныя и въкоторыя историческія данныя о положеніи эпоса въ известномъ районѣ систематически пополнялись отъ времени до времени, то мы теперь имѣли бы весьма цѣнные матеріалы для исторіи нашего эпоса. Сюда надо прибавить вопросъ о связителяхъ, Гильфердингомъ выясненный во всемъ значеніи; собранныя Рыбниковымъ и Гильфердингомъ свѣдѣнія о нихъ до сихъ поръ, за немногими случайными сообщеніями, являются единственными. А, между тѣмъ, безъ такихъ данныхъ односторонними выйдутъ рѣшенія общихъ вопросовъ, вроде вопроса о степени устойчивости нашего былевого эпоса, — о происхожденіи его различныхъ культурныхъ слоевъ, — о томъ въ какомъ отношеніи къ нему находится простой народъ, является ли этотъ народъ творцомъ былинъ или только хранителей ихъ и, если вѣрно второе, то въ какой степени.

До Гильфердинга стихотворный размѣръ былинъ подлежалъ большому сомнѣнію; записи Гильфердинга не только устранили это сомнѣніе, но и раскрыли присутствіе даже не одного, а вѣсколькихъ размѣровъ, намѣченныхъ самимъ собирателемъ, впрочемъ, по устарѣлому методу. Точное сохраненіе стиха, между прочимъ, важно потому, что содѣйствуетъ лучшей выдержанности языка; а такъ какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, то въ записяхъ даже XIX в. наряду съ современными особенностями мѣстныхъ говоровъ должны были сохраниться и древнія особенности, этимологическія и синтаксическія. Этотъ вопросъ также стоило бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, и судя потому, что, напримѣръ, проф. Собо-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Вѣстникъ Европы 1872 г. № 8 стр. 906.

левскій и проф. Владиміровъ уже отличали въ былинахъ остатки старыхъ формъ, старанія не остались бы безплодными. ¹⁾

Особаго вниманія заслуживаетъ у Гильфердинга расположеніе былинъ не по богатырямъ или сюжетамъ, а по сказителямъ. Это распредѣленіе имѣетъ прежде всего то частное значеніе, что отдѣляетъ личное вліяніе сказителей и вводитъ изслѣдователя въ кругъ своего рода литературныхъ школъ; но съ нимъ же связано и нѣчто большее, имѣющее громадное общее значеніе: своимъ распредѣленіемъ былинъ Гильфердингъ отрѣшился отъ господствовавшаго взгляда на былины, какъ на простодушныя преланія старины глубокой, созданныя непосредственнымъ поэтическимъ воодушевленіемъ всего народа и свято передаваемыя отъ предковъ потомкамъ; Гильфердингъ сталъ на ту точку зрѣнія, что какова бы ни была первоначальная основа былинны, въ своемъ настоящемъ видѣ эта былина является извѣстнымъ литературнымъ произведеніемъ и какъ таковая прежде всего должна разсматриваться; въ ней мы должны отличать и слѣды извѣстной пѣсенной школы, и индивидуальныя черты ея пѣвцовъ, и литературныя взаимодѣйствія и т. п. Такимъ образомъ, Гильфердингъ, какъ этнографъ-сборщикъ, сдѣлалъ то, что сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій въ роли истолкователя русскаго былевого эпоса.

При выходѣ въ свѣтъ „Онежскихъ Былинъ“ современная имъ критика отзывалась о новомъ изданіи, какъ о замѣчательномъ явленіи въ нашей ученой литературѣ ²⁾. Но необходимо помнить, что самъ Гильфердингъ считалъ свое изданіе лишь подготовительнымъ. „Я первый, говорилъ онъ, готовъ признать, что окончательное полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ точно такъ же, какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ вариантовъ.“ ³⁾ Въ настоящее время „Онежскія Былины“ переиздаются Академіей Наукъ, засвидѣтельствовавшей, что данный „самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведеній народнаго творчества по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русскаго словесности“. ⁴⁾ „Онежскія Былины“ переиздаются, за нѣкоторыми добавленіями, не измѣняющими, впрочемъ, характера изданія, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были изданы въ первый разъ; оказывается, слѣдовательно, что для окончательнаго полнаго изданія былинъ не наступило еще время; или, быть можетъ, мы такъ богаты всякаго рода изданіями нашего былевого матеріала, что съ палеографической точностью воспроизводимъ наиболѣе достойныя старыя книги, или, наконецъ, Гильфердингъ ошибся, назвавъ свое

¹⁾ А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. П. В. Владиміровъ. Введеніе въ Исторію Р. Словесности, стр. 193—195.

²⁾ См. рецензію Д. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 8; Баталіна въ Филолог. Запискахъ 1873 г. № 2; Колосова *ibid.* за 1874 и др.

³⁾ Олонекская губернія и ея нар. рѣзсоуды, стр. 33.

⁴⁾ Предисловіе ко второму изданію.

издание подготовительным? Но преизобиліемъ этнографическихъ изданій мы не страдаемъ, а Гильфердингъ не ошибся, такъ какъ избранная имъ система незамѣнима для тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ мѣстныхъ собраній и пока на очереди стоятъ вопросы этнографическаго и филологическаго характера, но они недостаточна, когда мы углубляемся въ область историко-литературныхъ изслѣдованій мотивовъ и богатырскихъ цыкловъ. Идеальнымъ былъ бы такой ходъ изданій: сначала издаются отдѣльныя собранія по плану Гильфердинга; затѣмъ дѣлается сводное изданіе по мотивамъ, съ тщательнымъ подборомъ вариантовъ былинныхъ и съ указаніемъ на сходные мотивы въ другихъ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., какъ въ отечественной словесности, такъ и иностранной; наконецъ, собирается все, что касается каждаго отдѣльнаго эпического героя, начиная съ былинъ о немъ и кончая самымъ мимолетнымъ упоминаніемъ, гдѣ бы то ни было. Изданія г. Безсоновымъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, показало, что въ эпоху Гильфердинга такое сводное изданіе было слишкомъ преждевременнымъ, но не такимъ оно представляется теперь. „Онежскими Былинами“ закончился рядъ большихъ сборниковъ; послѣдующія записи лишь повторяли или, въ лучшемъ случаѣ, немного пополняли извѣстное уже. Въ настоящее время все интересное (по своему содержанію) собрано; изданы также старинныя записи былинъ, даже найдена рукопись Кириши Данилова. Конечно, кое-что будутъ еще не разъ находить, но если ждать, пока будетъ исчерпано рѣшительно все, то кто знаетъ, сколько десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока, наконецъ, рѣшится приступить къ тому, что безъ всякаго ущерба можно было начать и ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если даже преждевременно приступать къ самому изданію сводному, то что мѣшаетъ классифицировать уже извѣстный матеріалъ, составлять указатели и т. п.? Но мы остаемся съ таинственной рукописью Кириши Данилова, которая неизвѣстно когда появится въ печати, съ вышедшимъ изъ продажи сборникомъ Рыбникова, съ подготовительнымъ переизданіемъ сборника Гильфердинга ¹⁾ и наканунѣ переизданія „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, быть можетъ, со всѣми ихъ неудобствами. Между тѣмъ и собраніе новыхъ матеріаловъ не особенно отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія можно прилагать послѣ Гильфердинга. Я разумѣю здѣсь недостаточную точность въ передачѣ текста, и слабость этнографическаго освѣщенія собираемыхъ текстовъ, и случайность записей, а послѣднее является крупнымъ недостаткомъ для того времени, когда приходится заботиться, пожалуй, не столько о пополненіи содержанія, сколько о томъ, чтобы успѣть побольше добыть свѣдѣній о положеніи въ народѣ хотя обломковъ зданія, бывшаго вѣнцомъ народнаго творчества. Послѣ Гильфердинга началась работа болѣе мелкая, но она могла бы принести крупные результаты, если бы у насъ была цѣлая сѣть этнографическихъ поисковъ, направляемыхъ си-

1) Сборники Рыбникова и Гильфердинга такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ихъ слѣдовало бы переиздавать не иначе, какъ вмѣстѣ, распредѣливъ записи Рыбникова, какъ варианты записей Гильфердинга.

стематически и объединенныхъ одною общею задачею, однимъ общимъ планомъ. 25-лѣтній юбилей одного изъ наиболѣе славныхъ этнографовъ нашихъ, невольно обращающій наше вниманіе на то, что до сихъ поръ сдѣлано имъ и другими, былъ бы достойнымъ поминнаго стимуломъ вступить на ту дорогу, о которой заповѣдалъ онъ самъ.

1) Хорошо было бы выработать программу для собиранія въ народѣ всего, что имѣетъ какое бы то ни было отношеніе къ былиннамъ, и къ собиранію его привлечь, по возможности, больше лицъ, преимущественно изъ нѣстныхъ жителей и знатоковъ края.

2) Начать систематизацію извѣстнаго уже матеріала, содѣйствуя переложенію стараго, по возможности, въ наилучшемъ видѣ, устанавливая продолжительность или подложность текстовъ, составляя указатели, частные и общіе, вырабатывая примѣрные планы своднаго изданія былинъ и подбирая матеріалы, которые для этого изданія могутъ понадобиться.

Въ дѣятельности Гильердинга есть еще одна сторона, на которой я позволю себѣ остановиться въ заключеніе. Отношеніе интеллигенціи къ народу у насъ даже въ области науки подчасъ грѣшитъ или излишней оффиціальностью или же другою крайностью—панибратствомъ. Последнее, со всѣми своими тяжелыми результатами, считалось почти неизбежнымъ при большемъ сближеніи съ народомъ; его, впрочемъ, придерживался извѣстный ученикъ Вирѣвскаго, Якушкинъ, который и пострадалъ отъ этого, что дало поводъ одному современному критику сдѣлать такое замѣчаніе: „Споишь его (Якушкина) не кто иной, какъ самъ народъ, въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которымъ трудно бывало выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только пить, а не пить самому, становясь съ мужиками на равную ногу“¹⁾. Обращеніе Гильердинга, какъ это, напримѣръ, видно изъ приведеннаго выше воспоминанія Касьянова, было чуждо обѣихъ крайностей и приводило даже едва ли не къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ у Якушкина. Полный сердечности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго внутренняго достоинства, Гильердингъ умѣлъ затрогивать въ человѣкѣ лучшія его чувства и сближаться на ихъ почвѣ; онъ такимъ образомъ не только имѣлъ счастье избѣжать участія въ своего рода потворствѣ слабостямъ простаго люда, но и содѣйствовалъ облагораживающую его, выиравляющую своей личности, въ высшей степени изящной во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ²⁾. Тѣмъ больше довѣрія и симпатіи наукъ, имѣющихъ возможность пользоваться только высококультурными средствами, тѣмъ больше чести служителю ея.

А. М. Лобода.

¹⁾ Исторія новѣйшей русскаго литературы, А. М. Скабичевскаго, 1891 стр 243.

²⁾ Ср. Бестужева-Рюмина въ *Голосъ* 1872 № 53.